

Научная статья

УДК 343.9

EDN HYSSGF

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).439-449

ПОСТМОДЕРНИЗМ В КРИМИНОЛОГИИ: ТУПИК ИЛИ КАТАЛИЗАТОР ПЕРЕМЕН?

Н.П. Щукина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

12 октября 2024 г.

Дата принятия в печать

26 ноября 2024 г.

Дата онлайн-размещения

6 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Замещающий дискурс;
интерпретативный подход;
конститутивная криминология;
лингвистический поворот; модернизм
в криминологии; постмодернистская
криминология; скептическая
постмодернистская криминология

Аннотация. Автор включается в продолжение дискуссии о потенциале постмодернистской криминологии, недавно начатой на страницах «Всероссийского криминологического журнала». Обращается внимание на сходство и различия в позициях дискутирующих сторон касательно определения сущностных аспектов постмодернистской криминологии и ее перспектив в теоретической и практической деятельности. Определяются рамки участия автора статьи в названном выше диалоге: от постановки вопроса о сути современных социальных наук, базовых направлений в их развитии к определению постмодернистской криминологии и места в ней криминологии конститутивной. Постулируется закрытость вопроса в названии обсуждаемой статьи. Предлагается обсудить вопросы, поставленные иначе. Почему в последние десятилетия постмодернизм и его разновидности стали важной частью академического дискурса в социальных науках в целом и криминологии в частности? Чем обусловлена необходимость и значимость включения в энциклопедическую и учебную литературу разделов о постмодернистской криминологии? Что стоит за этими практиками? Что дает и может дать ученым в теоретическом и методологическом аспектах обращение к использованию потенциала постмодернистской криминологии?

Original article

POSTMODERNISM IN CRIMINOLOGY: A DEAD END OR A CATALYST FOR CHANGE?

Nina P. Shchukina

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, the Russian Federation

Article info

Received

2024 October 12

Accepted

2024 November 26

Available online

2024 December 6

Keywords

Proxy discourse; interpretation
approach; constitutive criminology;
linguistic turn; modernism in
criminology; postmodernist
criminology; skeptical postmodernist
criminology

Abstract. The author joins the discussion of the potential of postmodern criminology that was recently started on the pages of the “Russian Journal of Criminology”. Attention is drawn to the similarities and differences in the positions of the debating authors regarding the essential aspects of postmodernist criminology and its prospects in theoretical and practical work. The limits of the author’s participation in the abovementioned discussion are outlined: from the formulation of the question of the essence of modern social sciences and basic trends of their development to the definition of postmodern criminology and the place that constitutive criminology holds within it. The closed character of the question in the article’s headline is stated. The author then suggests discussing some questions that are formulated differently. Why have postmodernism and its varieties become an important part of academic discourse in the latest decades? What justifies the necessity and significance of including chapters on postmodernist criminology in encyclopedias and textbooks? What is behind these practices? What can the potential of postmodernist criminology offer to researchers in the theoretical and methodological sense?

Дисциплинарная «чистота», если она когда-либо существовала, — бесполезное занятие; и сейчас ее труднее защищать, чем когда-либо.

Д. Ф. Шорт

Толчком к написанию данной статьи послужил ряд публикаций, авторы которых занимают полярные позиции в вопросе о сути и потенциале постмодернизма в криминологии [1–3]. То, что в криминологии продолжаются многочисленные дискуссии по целому ряду вопросов, логично и ожидаемо уже в силу особенностей ее предмета и истории становления и развития. Кстати сказать, о «крахе» постмодернистской криминологии — «предмета значительных теоретических дебатов» — почти со времен ее становления писали, например, такие ученые, как С. Рассел [4]. Но когда в научном дискурсе появляются заключения о «деструктивности» постмодернизма, его невозможности стать методологическим основанием криминологии, об «иррациональности, циничности, поверхностности» постмодернистской методологии [1, с. 64], возникает большое желание задать следующий риторический вопрос: нужна ли нам концептуальная ясность в понимании сложности постмодернизма в криминологии?¹ При этом вспоминается, что в науке наряду со скептической, нигилистической версиями представлена и утвердительная постмодернистская криминология (*affirmative postmodern criminology*) [6, р. 156–164]. Если скептический постмодернизм предлагает пессимистическую, негативную оценку постмодернистской эпохи, ее неопределенности и общественного хаоса, невозможности истины, то утвердительные постмодернисты более оптимистичны, выходя за рамки нигилизма, субъективизма и пораженчества, присущих скептическому постмодернизму; они ищут философскую и интеллектуальную

практику, которая недогматична, экспериментальна. Их критика модернизма неабсурдна [7].

Цель данной статьи — определение своей позиции в вопросе о потенциале и перспективах постмодернистской криминологии. При этом моя долгосрочная цель — стимулировать дискуссию о новых направлениях в современной криминологии, основаниях, на которых они базируются, включая не только теоретические, но и методологические.

Разумеется, постмодернизм в криминологии — такая обширная тема, что даже полная статья о нем позволит сосредоточиться лишь на нескольких аспектах. Поэтому сфокусирую внимание лишь на своем отношении к уже представленным — так или иначе — в отечественной науке полярным оценкам постмодернистской криминологии, нашедшим отражение в отмеченных выше публикациях отечественных ученых.

Движение к заданной цели предполагает, на мой взгляд, определение концептуальных рамок данного процесса. В качестве таковых предлагаются следующие вопросы:

1. Что будем понимать под *предметом криминологии* (ибо данная тема остается дискуссионной, в отечественной криминологии в том числе)?
2. Как будем определять *постмодернизм в криминологии*?
3. Каковы «сильные» и «слабые» стороны постмодернизма в криминологии?

Без ответов на эти вопросы трудно определить свою позицию в оценке постмодернистской криминологии — она тупик или катализатор перемен?

В силу сказанного остановимся на данных вопросах, насколько необходимо это сделать для достижения поставленной выше цели. В случае с *предметом криминологии*, обратив внимание лишь на самый широкий и общепринятый смысл, определим криминологию как *научное* понимание преступности. И уже на этом шаге наших размышлений возникает ряд новых вопросов, без учета которых трудно двигаться дальше. Речь идет о том, что научное понимание предполагает учет нескольких подходов к изучению преступности. Воспользовавшись некоторыми классификациями этих подходов, можно говорить, например, о структурном и интерпретативном, биологическом, психологическом, социологическом и междисциплинарном подходах. Более того, само понятие науки — не раз и навсегда данное — меняется со временем, дополняется новыми характеристиками в

¹ Нуждается в уточнении и тезис, высказываемый некоторыми участниками дискуссии, о том, что «преступность патологична, так как... разрушает основы общества, морально и физически губит людей» [2, с. 128], ибо еще Э. Дюркгейм и А. Кетле писали, ссылаясь на богатый эмпирический материал, о неизбежности и необходимости «ограниченного» количества преступлений. Преступность нормальна, ибо «тесно связана с условиями всякой коллективной жизни» [5, с. 463]. Дюркгейм при этом описал ряд позитивных функций преступности — своего рода «предохранительного клапана», относительно безвредного способа выражения недовольства и обращения внимания к проблемам внутри общества, к необходимости их решения или минимизации.

результате развития социума и науки как одного из его институтов².

До вызова постмодернистского мышления, до лингвистического поворота в науке, слова «наука» и «научный» представляли собой неоспоримые совокупности знаний, подкрепленные определенными методологическими подходами. Целью научного исследования было *понять* преступность, выявляя и объясняя *причинно-следственные связи* и далее применяя результаты в *криминологическом прогнозировании*. При этом подчеркивалась обязательная *объективность* получаемого научного знания и роль *методов* в обеспечении данной объективности [8]. Таким образом, постулировалось, что криминологические исследования вносят «позитивный» вклад в снижение преступности. Но, повторим, институт науки, как и самого понятия «наука», меняются в ходе преобразований, происходящих в современном социуме³, что актуализирует постановку вопроса о сути науки, изменениях, вносимых в дефиницию науки в условиях «текучей» современности. Так должны ли мы и сегодня объяснять криминологическое знание, обращаясь к различным социальным факторам, известным и распространенным в период его становления? Тем более речь идет о социальной науке [9, р. 3].

Или — зададимся следующим риторическим вопросом: есть резон согласиться с тем, что социальные науки исстари существенно отличаются от естественных, что находит отражение в развитии интерпретативного подхода, утверждающего себя в качестве альтернативы позитивистско-натуралистическим концепциям, стремящимся выстраивать здание социальных наук «по образу и подобию» естествознания. Представители интерпретативного подхода на первый план выдвигают идею о том, что исследователи представляют свою собственную интерпретацию социального мира, а не окончательное описание его [10]. Их позиция и соответствующие ей качественные методы являются ответом на доминирование позитивистских методов в исследовательской деятельности. И, не-

² «Социум» трактуется в данном случае в широком смысле слова.

³ Ряд ученых в условиях неопределенности и высоких темпов развития современного социума при его описании прибегают к языку метафор, ибо язык науки не успевает за этим развитием и осознанием сложности современных обществ. См., например, работы З. Баумана «Текущая современность» и Э. Гидденса «Ускользающий мир».

смотря на более высокий статус количественных методов в производстве научных знаний, согласимся, что ни количественные, ни качественные методы не превосходят друг друга. «Было бы безрассудно предполагать, что количественные методы являются наиболее правдоподобными средствами для обнаружения правды о преступлениях и процессах уголовного правосудия» [11, р. 188]. Заметим при этом, что позитивистские подходы борются, так сказать, со смыслом, стоящим за производимыми ими данными, тогда как интерпретативный подход позволяет сравнительно легко получать доступ к этим смыслам, возможно, самой убедительной силе генерируемых данных [12].

Более того, интерпретативисты замечают, что если исследователи стремятся приблизиться к некоторой «истине», то интерпретативный подход нельзя игнорировать. Имеется в виду то, что официальные данные о преступности могут быть неточными, да и организация количественных исследований может быть связана с «неправильно понятыми респондентами вопросами», тем более эти респонденты могут «откровенно лгать» [ibid]. Кроме того, мы не знаем истинного уровня преступности, и в этой связи все наши теории построены на «зыбучих песках» [ibid]. Иначе говоря, размышления уже над первой рамкой нашего ответа на поставленный в статье вопрос позволяют заключить, что интерпретативный подход в криминологии⁴, несмотря на его критику (а она присуща любому научному подходу) способствует развитию данной науки. Сказанное находит отражение в том внимании, которое уделяет ученый-интерпретатор «смысловой нагруженности» ключевых криминологических проблем, смыслом, приписываемым индивидами преступности, виктимизации и иным объектам криминологического исследования. Авторитетность данного подхода подтверждается и именами ученых, работающих на данном поле: от М. Вебера и В. Дильтея до Б. Арриго, Г. Барака и Д. Миловановича.

Второй вопрос, заявленный в качестве рамки движения к поставленной в статье цели, — *как будем определять постмодернистскую криминологию*, не менее важен и сложен в контексте заданной темы. Согласимся, что в отечественной

⁴ Постмодернистская криминология, конститутивная криминология, прежде всего, с ее вниманием к деконструкции, реконструкции изучаемых объектов и созданию замещающего дискурса и представлена в этом подходе.

науке в развитии новых идей свою роль сыграли такие ученые, как М.М. Бабаев, А.Э. Жалинский, Ю.Ю. Комлев, В.А. Номоконов, В.С. Овчинский [13] и, разумеется, Я.И. Гишинский, опубликовавший по проблемам постмодернистской криминологии целый ряд работ [13–16].

Повторюсь, в мою задачу не входит полное описание постмодернистской криминологии. Отмечу лишь, что она, как и постмодернизм в целом (в силу сложности и междисциплинарности его природы), с трудом поддается определению [17]. Ж.-Ф. Лиота⁵, «упрощая до крайности», определяет постмодерн «как недоверие в отношении метарассказов», таких, например, как «диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т.п.» [18, с. 10]. Согласимся, что постмодернистская криминология — это критический, рефлексивный подход, бросающий вызов позитивизму, большим теориям криминологии и универсальным объяснениям причин преступности и традиционным ее ценностей: рациональности, линейности, прогресса и контроля [19, р. 302]. Подчеркнем и другое: понимание «реальности» (и нашего знания о ней) как социально сконструированной не является «антиреалистической» позицией (как утверждают некоторые критики постмодернизма) [19, р. 303]. Здесь речь идет не о вере в реальность, а об уверенности в ее представлении. Иными словами, в постмодернистской криминологии подвергается критике то, как производится и представляется научное знание, каковы контексты этих процессов. Постмодернистские криминологи предпринимают усилия, направленные на понимание того, «как все стало таким, каково оно есть, и что работает для поддержания этого» [ibid, р. 305]. В этой связи, соглашаясь или подвергая критике положение о преступности как «социальном конструкте» [2; 3], представляется крайне важным обратить внимание на контекст производства данного тезиса: на каком основании базируется этот тезис, как и кем он конституируется, описывается? Как пишет Ричард Рорти, «отрицать силу «описывать» реальность не значит отрицать реальность» (цит. по: [19, р. 303]).

К тому же, повторим, постмодернистская криминология не есть некая единая теория, хотя

в литературе можно встретить трактовку ее как современного «учения о преступности» [13], так и своего рода социального движения, возникшего в результате разочарования в современности [20]. Описывается она и как широкое культурное и философское движение, рассматривающее модернизм, просвещение и его наследие как объекты своих атак, с фокусом внимания на «сильных аргументах против столпов модернизма» [21, р. 1757]. Мы же согласимся с рассмотрением постмодернистской криминологии как группы относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности [22, с. 134]. И тогда повторим, что постмодернистская криминология представлена рядом направлений, одно из которых — «утвердительная» криминология. Ее основоположники — Д. Милованович и С. Генри. В силу того что конститутивная криминология является «единственной» хорошо разработанной попыткой переосмыслить центральные вопросы и темы криминологии с точки зрения постмодернизма [23], есть резон сосредоточить далее внимание именно на ней. Подчеркнем, представители данного направления изучают «конституирование преступности» как части общества, способы такого конституирования, используемые «человеческими агентами» [24, р. 307]. Ими подчеркивается зависимость конституирования преступности от контекста, от динамики власти и СМИ. Например, «насилие» — это понятие, согласимся с Э. Мадфисом, «полностью зависящее от культурного и исторического контекста, без которого оно бессмысленно и сильно изменчиво». Для постмодернистов задача состоит в том, чтобы понять, как концептуализируется понятие «насильственная преступность», (например, уличное преступление или жестокое избиение ребенка). Ответ на этот вопрос дается посредством процесса деконструкции, раскрытия динамики власти и групповых интересов, лежащей в основе данного понятия [17]. Показывается с помощью обращения к работам М. Фуко [25; 26], как институты производят знания для поддержания власти, как преступления и отклонения конструируются посредством языка, криминализируя определенные виды поведения и нормализуя другие.

Ключевые составляющие конститутивной криминологии, согласно Генри и Миловановичу, следующие: преступность — дискурсивное совместное производство; акцент на изучении

⁵ К творчеству Ж.-Ф. Лиотара, который ввел в научный дискурс и сам термин «постмодернизм», обращаются как к одному из базовых источников основоположники утвердительной постмодернистской криминологии Д. Милованович и С. Генри.

отношений, производящих преступность, на способах такого совместного производства в целях уменьшения вреда, причиняемого этим производством; недопустимость идеи отделения преступности от социальных процессов [27, р. 437], структурных и культурных контекстов, в которых она производится [28]. Преступность переопределяется авторами конститутивной криминологии как «способность отказывать другим в их способности иметь значение», и именно в соответствии с этим определением рассматривается вопрос о сокращении преступности [27, р. 439]. Тем самым подчеркивается роль языка в производстве преступности. Иными словами, конститутивная криминология, как и постмодернизм в целом, связана с контролем над языковыми системами. Акцентируется внимание на том, что личность, хотя бы частично, конструируется языком [24]. И чтобы понять и быть понятыми, представляется крайне важным изучение «языковых игр»⁶, в которые играют люди в процессе взаимодействия. Иначе говоря, конститутивные криминологи не стремятся к замене одной истины другой; их деятельность направлена на то, чтобы вызвать «множество сопротивлений» «вездесущности власти». Иллюстрацией тому может быть нередко озвучиваемая работа Ф. Чонг Хо Шона, в которой описываются эти процессы при изучении деталей встреч между полицией и гражданами [29]. Ученый замечает, что «предыдущие исследования упускали из виду практики использования языка, где значение и намерение двусмысленны или где участник подрывает коммуникативный процесс, говоря одно, имея в виду другое» [ibid, р. 151].

Таким образом, конститутивные криминологи фокусируют внимание не на проблемах экономического и социального угнетения, а на лингвистическом производстве, на утверждении, в частности, что уголовное право — это язык для создания отношений доминирования. Язык судов, например, выражает и институционализирует доминирование над личностью, будь то обвиняемый или обвинитель, преступ-

ник или жертва, со стороны социальных институтов. Словом, лингвистический поворот не обошел стороной и криминологию. При этом акцент делается на необходимости услышать голоса тех, кто «дремал в отчаянии», маргинализированных, исключенных, лишенных власти, на озвучивании этих голосов [30; 31, р. 7].

Более того (и это, может быть, самое главное в контексте темы данной статьи), постмодернистская криминология явилась результатом развития критической криминологии. В этой связи есть резон при ее оценке акцентировать внимание не только на том, за что она выступает, а скорее на том, против чего она выступает, что оспаривает и почему, на каких основаниях базируются ее ключевые выводы. Иными словами, камнем преткновения в работах авторов, дающих полярные оценки постмодернистской криминологии, — положение о преступности как социальном конструкте. Поэтому при определении своей позиции в данном вопросе касательно сути преступности имеет смысл, думается, сосредоточить внимание на том, что критикуют постмодернистские криминологи, на основании чего и в каких контекстах высказывается ими положение о преступности как социальном конструкте. Подчеркнем, что критике подвергаются, прежде всего, метарассказы модернистской науки, согласно которой в мире существуют универсальные вещи, и они могут быть обнаружены с помощью эмпирических методов через изучение причин и в целях рационального преобразования несовершенной действительности, а также развития демократии, обеспечения свобод, правосудия, движения к хорошей, благополучной жизни и процветанию. Тем самым вселяется надежда на решение проблем голода, бедности, преступности. Примером сказанному может послужить одно из воспоминаний известного советского ученого-юриста, датированное 1989 г., где читаем, что впервые в истории человечества поставлена задача «искоренить в СССР преступность» [32, с. 300]. Модернизм приравнивает социальные изменения к прогрессу, который увеличивает контроль над природой и обществом. Однако реальность XX в. и наступившего XXI в. с ее высочайшим уровнем изменчивости и неопределенности [33], с разрушительными войнами, геноцидом, преступностью, социальными и техногенными катастрофами поставили перед криминологией ряд «остроактуальных» теоретико-методологических проблем, требу-

⁶ Языковая игра — понятие, введенное в научный дискурс в 1953 г. Л. Витгенштейном для описания языка как системы конвенциональных правил, соблюдаемых коммуникацией. Витгенштейн утверждал, что слово или предложение имеет определенное значение, основанное только на «правилах» текущей «игры». Например, в зависимости от контекста, высказывание «Постмодернистская криминология!» может быть либо указанием, либо советом, либо ответом на вопрос, или другим видом коммуникации.

ющих своего решения [34]. Были развенчаны иллюзии прекраснотушного модернизма [22, с. 133]. Вместо озабоченности теми, кто контролирует средства производства, постмодернисты акцентируют внимание на тех, кто контролирует средства языкового производства, на власти, определяющей закон и преступление [30]⁷.

Словом, ученые предлагают сместить внимание, как они пишут, с *«бесполезного поиска причин преступности»* на, повторим, изучение ее *«конституирования»* как части общества, способов такого конституирования, используемых человеческими агентами, роли власти, ее взаимодействия со СМИ и теми, голоса которых не услышаны [24, р. 307]. Такая критика и необходимость такого смещения объясняются незнанием истинного уровня преступности. В таком случае согласимся с критиками модернизма в том, что все наши теории построены на зыбучих песках [12]; более того, поиск причин преступности поддерживает, по сути, преступность как отдельную реальность. Разве такая постановка вопроса о переосмыслении центральных вопросов и тем криминологии не представляется значимой, хотя бы в контексте лингвистического поворота, происходящего в современной науке и появления новых, порой весьма неожиданных, форм преступности?

Более того, конститутивные криминологи приветствуют теоретические противоречия и поведенческие непредвиденные обстоятельства в изучаемом процессе, предупреждая о них и приглашая тем самым к диалогу на озвучиваемом ими поле. В основе такой постановки вопроса — понимание меняющейся природы преступности и ее контроля, а также нередкая неадекватность и неуместность распространенных в традиционной науке ответов на ключевые вопросы криминологии [35, р. 10].

Ученые обращают внимание и на связь теории и практики, идущие рука об руку [36], на соединение научного анализа и таких популярных тем, как преступность и борьба с ней, преступники и их жертвы, криминализация и виктимизация. Тем самым признается совместная с практиками уголовной политики ответственность за преступность и ее контроль. В этой связи постулируется необходимость и значимость

освоения учеными роли публичного криминолога, активно взаимодействующего со СМИ и использующего площадки гражданского общества для действий по формированию и развитию представлений о преступности и контроле над ней, направленных на предупреждение предвзятых, упрощенных, линейных изображений и оценок преступлений и преступников, уголовной политики в целом [28].

Таким образом, постмодернистская криминология не сводится лишь к скептическому, нигилистическому варианту; ее не обошел стороной лингвистический поворот; основной упор в ней делается на том, как осуществляется языковое производство, в каких контекстах и под чьим контролем осуществляется это производство. Тем самым акцент делается на *«более строгом изучении языка криминологической теории»* [30]. При этом постмодернистская криминология не стремится отвергнуть модернистскую криминологию; она, скорее, бросает вызов лингвистическим и эпистемологическим условиям, в которых она задумана и сформулирована [30].

В силу сказанного и возвращаясь к полярным оценкам, даваемым постмодернистской криминологии в отечественной науке, заметим, что общим для этих полярных точек зрения является, на мой взгляд, по сути, абстрагирование от того, что *«существует много постмодернизмов»* [37]; есть, повторим, не только *«скептическая»*, *«нигилистическая»* [38, р. 223], но и *«утвердительная»* постмодернистская криминология. Конститутивная криминология как наиболее разработанная попытка переосмыслить центральные вопросы и темы криминологии с точки зрения постмодернизма направлена на всесторонний анализ изучаемых феноменов, на отказ от одномерного прочтения преступности и ее контроля. При этом акцент делается на объединении различных теорий, заимствованных из разных научных дисциплин⁸. Фокусируется внимание на роли языка в производстве научного знания, контекстах данного производства, роли властных отношений, взаимодействий власти со СМИ, а также учете голосов, ранее не слышимых. В силу усложнения современного социума, тем самым и объекта криминологии, не только об-

⁷ Разумеется, и марксистская, и постмодернистская криминологии — разновидности криминологии критической — солидарны в том, что те, кто контролирует языковое производство, чаще всего являются политической и экономической элитой [30].

⁸ Как пишут Д. Милонович и С. Генри, они выводят свою теорию из многочисленных источников, включая работы М. Бахтина. Однако главные столпы, на которых базируется конститутивная криминология, это «интерпретация клинического психоанализа» Ж. Лакана (работы с дискурсами) и теория хаоса.

ращается внимание на разнообразные противоречия, непредвиденные поведенческие обстоятельства в изучаемом криминологами процессе, с предупреждением об их неизбежности. Ученые приветствуют такие обстоятельства, как стимулы к углублению понимания сути преступности и ее предупреждения, к выявлению таким образом невидимых ранее ресурсов, актуализация которых способствовала бы повышению результативности данной предупредительной деятельности.

Наконец, понимание преступности как социально сконструированной не является «антиреалистической» позицией (как утверждают некоторые критики постмодернизма). Речь здесь идет не о вере в реальность, а о доверии к ее представлению: «отрицать силу «описывать» реальность не значит отрицать реальность» [39, р. 10–11].

И третий вопрос — о «сильных» и «слабых» сторонах постмодернистской криминологии, с помощью которого в данной статье очерчивается рамка моей включенности в озвученный выше диалог отечественных ученых. По сути ответ на него был — и во многом — дан при описании сущностных характеристик, точнее, при рассмотрении «сильных» сторон постмодернистской криминологии. Остановлюсь на том, что приблизит меня и уважаемого читателя к выводам по заявленной в статье теме и подчеркну, что постмодернистские криминологи не ставят целью отвергнуть криминологию модернистскую. Но ей брошен вызов, точнее, ее лингвистическим и эпистемологическим условиям, в которых она задумана и сформулирована, в частности, установкам модернистской парадигмы о нейтральности изучаемых текстов и дискурсов. Не менее важно и предложение о переформулировании ключевых исследовательских проблем на вопрос о том, как конституируется знание о преступности, в каких контекстах, и какова роль разных человеческих агентов, как пишут Милованович и Генри, в этом производстве.

Что касается критики постмодернистской криминологии, то этот вопрос, с одной стороны, мог бы стать темой самостоятельного рассмотрения уже в силу того, что конститутивные криминологи, вызывают к готовности столкнуться с разными противоречиями на поле исследовательской и практической деятельности, приветствуя взаимодействие на этих полях с разными «человеческими агентами». С другой стороны, при рассмотрении сущностных характеристик постмодернистской криминологии были озвучены типичные направления такой

критики, включая отказ от позитивистских методов исследования, трудности эмпирической проверки основных понятий и положений, разрушение «мегарассказов» криминологии. Обращим внимание и на такое направление критики, как сложность постмодернистских текстов, что, кстати, по мнению конститутивных криминологов объясняется сложностью теории хаоса и теории Лакана как ключевых источников этого направления в криминологии. Критики ведут речь и о явном дефиците исследований, базирующихся на идеях конститутивной криминологии. Но, как постулируют ее основатели, конститутивная криминология является сравнительно новым направлением в криминологии. Тем не менее не назрела ли необходимость в обобщении исследовательских практик, базирующихся на методологическом потенциале постмодернистской криминологии?

Резюмируя сказанное, подчеркну, что постмодернизм в целом, постмодернистская криминология в частности, нередко вызывают бурную реакцию и эмоции у ученых, даже при одном упоминании этих терминов. Такая реакция нередко граничит с крайностью: есть его страстные сторонники и яростные противники. Однако то, что на страницах престижных журналов соотносятся позиции тех и других, объясняется, на мой взгляд, тем, что постмодернизм воспринимается всерьез. Такое восприятие постмодернизма нашло отражение и в энциклопедической, учебной литературе по криминологии, отчасти озвученной и в данной статье.

Определяя свою позицию в описанной выше дискуссии, подчеркну, что общим для дискутирующих сторон является, на мой взгляд, то, что они признают наличие ряда направлений в постмодернистской криминологии, с одной стороны, с другой — акцент делают на постмодернистской криминологии как некоей единой теории. При этом — особенно критики постмодернизма в криминологии — абстрагируются от того, что есть скептическая и утвердительная криминология. Разумеется, постмодернистская криминология не сводима ни к скептическому, ни к утвердительному ее варианту. Она, по сути, является диалогом (иногда полемикой) ученых о природе современной криминологии, ее объекте и проблемном поле; ученых, не приемлющих меганарративы криминологии и вызывающих к взаимодействию с другими «человеческими агентами», в том числе на площадках гражданского общества.

Включение в данный диалог в качестве одного из его участников предполагает, на мой взгляд, обозначение рамок такого участия. В статье в качестве таковых предложена фокусировка внимания на особенностях современных социальных наук, в которых, наряду с системным (структурным), получает развитие интерпретативный подход, и на существенных характеристиках постмодернистской криминологии, с акцентом на конститутивной криминологии как «единственной» хорошо разработанной попыткой переосмыслить центральные вопросы и темы криминологии с точки зрения постмодернизма.

Результаты включения в дискуссию отечественных криминологов позволяют заключить следующее.

1. Постмодернистская криминология не панацея от всех бед, у нее немало критиков. И эта критика воспринимается как ожидаемая, с призывом к более строгому изучению языка криминологической теории и уголовной политики.

2. Постмодернистская криминология не стремится отвергнуть модернистскую криминологию, она бросает вызов лингвистическим и эпистемологическим условиям, в которых она задумана и сформулирована.

3. Дискутанты ломают копья прежде всего касательно объективности/субъективности научного знания о преступности. Эта тема важна, сложна и требует весьма глубокого анализа и осмысления. Рассмотрение объекта криминологии как нарративов и дискурсов, развивающихся и исчезающих по мере того, как люди конструируют, деконструируют и реконструируют этот объект, предполагает непосредственное и активное обращение к текстам ученых. Речь идет не о сделанных ими выводах, а об основаниях, на которых базируются эти выводы.

4. Не менее важно и другое: в последние десятилетия появился ряд новых методологически значимых социальных теорий, включая акторно-сетевую теорию. Убеждена, что назрела необходимость обсудить и вопросы, связанные

с возможностью применения этих теорий в криминологических исследованиях.

5. Учитывая сказанное выше, вероятно, стоит спросить себя, правильно ли был задан вопрос в названии настоящей статьи? Может быть, вопрос о научной «чистоте» криминологии или о том, имеет ли постмодернистская криминология научный статус, является неправильным? Может быть, стоило бы задаться другими вопросами. Например, почему в последние десятилетия постмодернизм и его разновидности стали важной частью академического дискурса в социальных науках в целом, криминологии в частности? Или — чем обусловлена необходимость и значимость включения в энциклопедическую и даже учебную литературу разделов о постмодернистской криминологии? Что стоит за этими практиками? Что дает и может дать ученым в теоретическом и методологическом аспектах обращение к использованию потенциала постмодернистской криминологии?

И последнее. Пользуясь случаем, я выражаю глубокую благодарность Я.И. Гилинскому, при чтении работ которого всегда напрашивается желание сравнить ученого с Г.П. Щедровицким. Речь идет о том, что Щедровицкий нередко, выступая в разных аудиториях, постулировал, что, если в ходе его выступления и по его результатам в ход пойдут «столы и стулья», то свою задачу он выполнил. Так и работы Я.И. Гилинского практически всегда будоражат мысль, вызывают желание — так или иначе — включиться в обсуждение поставленных им перед отечественной наукой и практикой вопросов. С большим уважением я отношусь также к другим участникам дискуссии, чьи тексты побуждают к спору, к стремлению вновь и вновь постигать суть современной криминологии в поисках ответов на актуальные вопросы. Далеко ли она ушла от позитивизма и ушла ли, какое из ее направлений становится более перспективным, что могли бы мы уже сегодня сделать в аспекте повышения качества нашей исследовательской деятельности?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко Л.А. Влияние идей постмодернизма на развитие современной криминологии / Л.А. Бойко, А.П. Бойко. — DOI 10.18572/1812-3783-2022-2-60-64. — EDN FEPYWE // Российский следователь. — 2022. — № 2. — С. 60–64.
2. Босхолов С.С. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о типике неокриминологии / С.С. Босхолов, В.А. Номоконов. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136. — EDN WCBSDS // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 128–136.
3. Гилинский Я.И. В типике ли криминология постмодерна? / Я.И. Гилинский. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231. — EDN GKNOVZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 227–231.
4. Russell S. The failure of postmodern criminology / S. Russell. — DOI 10.1007/BF02461157 // Critical Criminology. — 1997. — Vol. 8. — P. 61–90.

5. Дюркгейм Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм // О разделении общественного труда. Метод социологии. — Москва : Наука, 1991. — С. 391–532.
6. Milovanovic D. Postmodern criminology / D. Milovanovic // Routledge Handbook of Critical Criminology / ed. W.S. DeKeseredy, M. Dragiewicz. — 2nd ed. — London ; New York, 2018. — Ch. 12.
7. Burke R.H. Contemporary Criminological Theory: Crime and Criminal Behaviour in the Age of Moral Uncertainty / R.H. Burke. — London : Routledge, 2020. — 542 p. — DOI 10.4324/9781351242097.
8. Austen L. Postmodernism and criminological thought : «Whose science? Whose knowledge?» / L. Austen, M. Cowburn. — DOI 10.1332/policypress/9781447300359.003.0002 // Values in Criminology and Community Justice / ed. M. Cowburn [et al.]. — Bristol, 2013. — P. 21–38.
9. Brown J.R. Introduction: The Sociological Turn / J.R. Brown // Scientific Rationality: The Sociological Turn. — Springer, 1984. — P. 3–40.
10. Chamberlain J.M. Understanding Criminological Research. A Guide to Data Analysis / J.M. Chamberlain. — London, 2013. — 264 p.
11. DiChristina B. The quantitative emphasis in criminal justice education / B. DiChristina // Journal of Criminal Justice Education. — 1997. — Vol. 8. — P. 181–199.
12. Parviz T. Forming the Concept of Crime in Theoretical System of Post Modernism / T. Parviz, V. Akbar // Journal of Politics and Law. — 2016. — Vol. 9, no. 9. — P. 102–109.
13. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология) / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алетея, 2021. — 136 с.
14. Гилинский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алетея, 2017. — 222 с.
15. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании / Я.И. Гилинский. — DOI 10.31857/S013216250019611-5. — EDN PGOZGM // Социологические исследования. — 2022. — Т. 48, № 4. — С. 76–84.
16. Гилинский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алетея, 2024. — 242 с.
17. Madfis E. Postmodern Criminology / E. Madfis. — DOI 10.1002/9781118517390/wbetc10 // The Encyclopedia of Theoretical Criminology / ed. J.M. Miller. — New York, 2014.
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. — Москва : Алетея, 1998. — 159 с.
19. Cheek J. Postmodernist Perspectives / J. Cheek, N. Gough // Research Methods in the Social Sciences / B. Somekh, C. Lewin. — London, 2005. — P. 302–309.
20. Datta S.N. Reviewing Metanarrative from the Outlook of Lyotard's Postmodern Discourses / S.N. Datta // International Journal of Social Science and Economic Research. — 2018. — Vol. 3, iss. 8. — P. 3910–3922.
21. Fani R. The Influence of Postmodernism on Theoretical Criminology / R. Fani // Journal of Positive School Psychology. — 2022. — Vol. 6, no. 5. — P. 1757–1770.
22. Комлев Ю.Ю. От постмодернистской девиантологии к постпостмодернистскому синтезу криминологических знаний / Ю.Ю. Комлев. — EDN SGFJPB // Вестник экономики, права и социологии. — 2014. — № 2. — С. 133–138.
23. Cowling M. Postmodern Policies? The Erratic Interventions of Constitutive Criminology / M. Cowling // Internet Journal of Criminology. — 2006. — URL: Microsoft Word - Cowling - Postmodern Policies.doc (filesusr.com).
24. Henry S. Constitutive Criminology: The Maturation of Critical Theory / S. Henry, D. Milovanovic // Criminology. — 1991. — Vol. 29, no. 2. — P. 293–316.
25. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 1975. — 226 с.
26. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. — Санкт-Петербург : Унив. кн., 2004. — 416 с.
27. Henry S. Constitutive Criminology: Origins, Core Concepts, and Evaluation / S. Henry, D. Milovanovic // Recent Developments in Criminological Theory / ed. S. Henry, S.A. Lukas. — London, 2009. — P. 435–458.
28. Barak G. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School / G. Barak, S. Henry, D. Milovanovic // Thinking Critically about Crime / ed. B.D. MacLean, D. Milovanovic. — Vancouver, 1997. — P. 93–99.
29. Shon P.C.H. Bringing the Spoken Words Back / P.C.H. Shon. — DOI 10.1023/A:1025428605662 // Critical Criminology. — 2002. — Vol. 11. — P. 151–172.
30. Arrigo B.A. Theories of Crime and Crimes of Theorists: On the Topological Construction of Criminological Reality / B.A. Arrigo, T.R. Young. — DOI 10.1177/0959354398082009 // Theory and Psychology. — 1998. — Vol. 8, iss. 2. — P. 219–252.
31. Milovanovic D. Postmodern Criminology / D. Milovanovic. — New York : Garland Publishing, 1997. — 284 p. — DOI 10.4324/9780429027055.
32. Утевский Б.С. Воспоминания юриста : [из неопубликованного] / Б.С. Утевский. — Москва : Юрид. лит., 1989. — 304 с.
33. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — Москва : Весь Мир, 2004. — 120 с.
34. Судакова Т.М. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций / Т.М. Судакова, В.А. Номоконов. — DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(4).531-540. — EDN VRCLZI // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 4. — С. 531–540.
35. Burke R.H. Contemporary Criminological Theory: Crime and Criminal Behaviour in the Age of Moral Uncertainty / R.H. Burke. — London ; New York, 2020. — 542 p. — DOI 10.4324/9781351242097.
36. Henry S. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernis / S. Henry, D. Milovanovic. — New York : SAGE Publications Ltd, 1996. — 304 p.
37. Schwartz M.D. Postmodern Thought and Criminological Discontent: New Metaphors for Understanding Violence / M.D. Schwartz, D.O. Friedrichs. — DOI 10.1111/j.1745-9125.1994.tb01153.x // Criminology. — 1994. — Vol. 32, iss. 2. — P. 221–246.
38. Howe A. Postmodern Criminology and its Feminist Discontents / A. Home // The Australian and New Zealand Journal of Criminology. — 2000. — Vol. 33, iss. 2. — P. 221–236.

39. Cherryholmes C.H. Power and Criticism: Poststructural Investigations in Education Columbia University / C.H. Cherryholmes. — New York : Teachers College Press, 1988. — 223 p.

REFERENCES

1. Boyko L.A., Boyko A.P. The Influence of the Ideas of Postmodernism on the Development of Modern Criminology. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 2, pp. 60–64. (In Russian). EDN: FEPYWE. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-2-60-64.
2. Bosholov S.S., Nomokonov V.A. Ontological and Metaphysical Foundations of the Social Danger of Crimes: on the Dead end in Neocriminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 128–136. (In Russian). EDN: WCBSDS. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136.
3. Gilinsky Ya.I. Is the Criminology of Postmodernity at a Dead End? *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 227–231. (In Russian). EDN: GKNVZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231.
4. Russell S. The Failure of Postmodern Criminology. *Critical Criminology*, 1997, vol. 8, pp. 61–90. DOI: 10.1007/BF02461157.
5. Durkheim E. *The Rules of Sociological Method*. Chicago, University of Chicago Press, 1938. 146 p. (Russ. ed.: Durkheim E. *The Method of Sociology. On the Division of Labor in Society. The Method of Sociology*. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 391–532).
6. Milovanovic D. Postmodern Criminology. In DeKeseredy W.S., Dragiewicz M. (eds). *Routledge Handbook of Critical Criminology*. 2nd ed. London, New York, 2018. Ch. 12.
7. Burke R.H. *Contemporary Criminological Theory: Crime and Criminal Behaviour in the Age of Moral Uncertainty*. London, Routledge, 2020. 542 p. DOI: 10.4324/9781351242097.
8. Austen L., Cowburn M. Postmodernism and Criminological Thought: «Whose science? Whose knowledge?» In Cowburn M., Duggan M., Robinson A., Senior P. (eds). *Values in Criminology and Community Justice*. Bristol, 2013, pp. 21–38. DOI: 10.1332/policypress/9781447300359.003.0002.
9. Brown J.R. Introduction: The Sociological Turn. *Scientific Rationality: The Sociological Turn*. Springer, 1984, pp. 3–40.
10. Chamberlain J.M. *Understanding Criminological Research. A Guide to Data Analysis*. London, 2013. 264 p.
11. DiChristina B. The Quantitative Emphasis in Criminal Justice Education. *Journal of Criminal Justice Education*, 1997, vol. 8, pp. 181–199.
12. Parviz T., Akbar V. Forming the Concept of Crime in Theoretical System of Post Modernism. *Journal of Politics and Law*, 2016, vol. 9, no. 9, pp. 102–109.
13. Gilinskii Ya.I. *Criminology of Postmodern (Neocriminology)*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2021. 136 p.
14. Gilinsky J.I. *Deviation in the Post-Modern Society*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2017. 222 p.
15. Gilinskiy Ya.I. Postmodern Criminology about Crime and Punishment. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2022, vol. 48, no. 4, pp. 76–84. (In Russian). EDN: PGOZGM. DOI: 10.31857/S013216250019611-5.
16. Gilinskii Ya.I. *Criminology and Deviantology of Postmodern*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2024. 242 p.
17. Madfis E. Postmodern Criminology. In Miller J.M. (ed.). *The Encyclopedia of Theoretical Criminology*. New York, 2014. DOI: 10.1002/9781118517390/wbetc10.
18. Lyotard J.-F. *La Condition Postmoderne*. Paris, Minuit, 1979. (Russ. ed.: Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. Moscow, Aleteiya Publ., 1998. 159 p.).
19. Cheek J., Gough N. Postmodernist Perspectives. In Somekh B., Lewin C. (eds). *Research Methods in the Social Sciences*. London, 2005, pp. 302–309.
20. Datta S.N. Reviewing Metanarrative from the Outlook of Lyotard's Postmodern Discourses. *International Journal of Social Science and Economic Research*, 2018, vol. 3, iss. 8, pp. 3910–3922.
21. Fani R. The Influence of Postmodernism on Theoretical Criminology. *Journal of Positive School Psychology*, 2022, vol. 6, no. 5, pp. 1757–1770.
22. Komlev Yu.Yu. From Postmodern Deviantology to Postmodern Synthesis of Criminological Knowledge. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2014, no. 2, pp. 133–138. (In Russian). EDN: SGFJPB.
23. Cowling M. Postmodern Policies? The Erratic Interventions of Constitutive Criminology. *Internet Journal of Criminology*, 2006. URL: Microsoft Word - Cowling - Postmodern Policies.doc (filesusr.com).
24. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: The Maturation of Critical Theory. *Criminology*, 1991, vol. 29, no. 2, pp. 293–316.
25. Foucault M. *Surveiller et Punir. Naissance de la Prison*. Paris, Gallimard, 1975. (Russ. ed.: Foucault M. *Discipline and Punish: the Birth of the Prison*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1975. 226 p.).
26. Foucault M. *L'Archeologie du savoir*. Paris, 1969. (Russ. ed.: Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. Saint Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 2004. 416 p.).
27. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Origins, Core Concepts, and Evaluation. In Henry S., Lukas S.A. (eds). *Recent Developments in Criminological Theory*. London, 2009, pp. 435–458.
28. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School. In MacLean B.D., Milovanovic D. (eds). *Thinking Critically About Crime*. Vancouver, 1997, pp. 93–99.
29. Shon P.C.H. Bringing the Spoken Words Back. *Critical Criminology*, 2002, vol. 11, pp. 151–172. DOI: 10.1023/A:1025428605662.
30. Arrigo B.A., Young T.R. Theories of Crime and Crimes of Theorists: On the Topological Construction of Criminological Reality. *Theory and Psychology*, 1998, vol. 8, iss. 2, pp. 219–252. DOI: 10.1177/0959354398082009.
31. Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. New York, Garland Publishing, 1997. 284 p. DOI: 10.4324/9780429027055.
32. Utevskii B.S. *A Lawyer's Memoirs*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1989. 304 p.
33. Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. New York, Routledge, 2003. 146 p. (Russ. ed.: Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004. 120 p.).

34. Sudakova T.M., Nomokonov V.A. Understanding the Future of Criminology: an Overview of Current Trends. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 4, pp. 531–540. (In Russian). EDN: VRCLZI. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).531-540.

35. Burke R.H. *Contemporary Criminological Theory: Crime and Criminal Behaviour in the Age of Moral Uncertainty*. London, New York, 2020. 542 p. DOI: 10.4324/9781351242097.

36. Henry S., Milovanovic D. *Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism*. New York, SAGE Publications Ltd, 1996. 304 p.

37. Schwartz M.D., Friedrichs D.O. Postmodern Thought and Criminological Discontent: New Metaphors for Understanding Violence. *Criminology*, 1994, vol. 32, iss. 2, pp. 221–246. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1994.tb01153.x.

38. Howe A. Postmodern Criminology and its Feminist Discontents. *The Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 2000, vol. 33, iss. 2, pp. 221–236.

39. Cherryholmes C.H. *Power and Criticism: Post-structural Investigations in Education Columbia University*. New York, Teachers College Press, 1988. 223 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щукина Нина Петровна — профессор кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор социологических наук, г. Самара, Российская Федерация; e-mail: nina_shukina@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shchukina, Nina P. — Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Doctor of Sociology, Samara, the Russian Federation; e-mail: nina_shukina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Щукина Н.П. Постмодернизм в криминологии: тупик или катализатор перемен? / Н.П. Щукина. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).439-449. — EDN HYSSGF // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 5. — С. 439–449.

FOR CITATION

Shchukina N.P. Postmodernism in Criminology: A Dead End or a Catalyst for Change? *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 5, pp. 439–449. (In Russian). EDN: HYSSGF. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(5).439-449.